МОСГОРСПРАВКА
Отдел газетных вырезок
1-я Бородинская, д. 19. Телефон Г 1-46-66

Вырезка из газеты
ПЕНЗЕНСКАЯ ПРАВДА
от 23 ЯНВ 1957
Пенза Газета № . . . . .

Слушая Ива Монтана...

5

ЗАКОНЧИЛИСЬ ГАСТРОЛИ ФРАНЦУЗСКОГО ПЕВЦА

Он стоит на эстраде концертного зала имени Чайковского в коричневой куртке, заправленной в такие же коричневые брюки, освещенный лучами прожекторов, и внешне ничем не отличается от многих сидящих в зале. Так одет в наше время слесарь, студент, электромонтер. Монтан поет под аккомпанемент маленького оркестра, расположенного за белым тюлевым занавесом. И чем больше слушаешь его, тем лучше понимаешь, почему он завоевал сердца парижан и почему так восторженно рукоплещут популярному французу москвичи.

Можно знать или не знать французский язык, но нельзя не поддаться обаянию этого человека, поющего перед микрофоном. Интонации голоса, жесты, выражение лица—необычайно подвижного—помогают зрителям понять содержание песни. Он поет о простых людях, а это понятно каждому, в каждой стране, в каждом городе. То весело, то грустно, с большим настроением Монтан передает песенку о бродячих комедиантах, которые странствуют по земле и кувыркаются перед случайными зрителями, чтобы собрать с них за свое искусство несколько медяков. Артист в конце песенки проделывает нечто вроде кульбита и протягивает воображаемую шляпу, а затем делает кислую мину, и есть отчего: искусство искусством, но собрать удалось всего лишь несколько жалких монет, ведь зрители так же бедны, как и сами комедианты.

Артист поет легко, изящно, вдохновенно, непринужденно держит себя он на эстраде. Но за легкостью и непринужденностью чувствуется большой труд—повседневный, ежечасный, порою прозаический, скрытый от зрителей. Он и в Москве в день своего первого концерта репетировал почти что до самого вечера, и не раз вытирал платком на лице капли пота.

Монтану долго и шумно аплодируют, а оркестр продолжает играть. Артист подает знак головой, и музыканты начинают новую мелодию. Теперь он поет о мальчике с Бродвея, который чистит прохожим башмаки. Эстрада освещена так, что на тюлевом занавесе оказывается отброшенной огромная тень артиста, и это производит на всех совершенно неожиданное впечатление. А Монтан поет о мальчишке, о маленьком негре, которому свысока «белые господа» бросают жалкую монету. Они не задумываются над тем, что, орудуя старой щеткой и бархоткой, мальчишка «приручил немного солнечного света», отражающегося в башмаках, начищенных до блеска.

Артист не только отлично владеет голосом, что само по себе придает его исполнению большую прелесть. Его пение сопровождается точными, предельно выразительными жестами,

подчеркивающими и выделяющими наиболее сильные места песенки. Он мгновенно изменяет выражение глаз, лица, от грусти переходит к знаменитому французскому юмору, от лирики к пафосу. И все это в высшей степени артистично, тонко, легко.

В заключение Монтан поет так понравившуюся всем песенку «Как хорошо!» («Сэ си бон!»), и его долго еще не отпускают с эстрады.

В песенке о французском друге Марк Бернес поет: «Задумчивый голос Монтана звучит на короткой волне...». На этот раз москвичи, ленинградцы и киевляне слушали полюбившегося артиста не по радио, а с глазу на глаз, и оказали ему встречу, какие умеют устраивать советские люди, высоко ставящие подлинное искусство, культурные связи и дружбу между народами.

Г. ГРИГОРЬЕВ.

Москва.